

ОТКРЫТЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В НОВГОРОДЕ (1947 год)¹

Печальной памятью известны военные преступления нацистов на Новгородской земле². С августа 1941 года по январь 1944 года десятки тысяч жителей были расстреляны и сожжены вместе с деревнями, свыше сотни тысяч новгородцев насильно угнали в немецкий тыл. Разграблены и уничтожены памятники, разрушена промышленность и сельское хозяйство³. Меньше известно о конкретных военных преступниках и об открытом суде над ними в Новгороде. Парадокс в том, что процесс был публичным именно для демонстрации идеи справедливого возмездия. Спустя поколения о преступлениях помнят, о наказании – нет.

Возможно, это забвение вызвано отсутствием культурного следа. О суде в Новгороде, в отличие от крупных городов, не сняли документального фильма, не была выпущена брошюра, о нем молчали писатели и почти не вспоминали журналисты⁴.

Кроме того, основная масса документов о процессе хранится в региональном⁵ и центральном архивах ФСБ РФ и была рассекречена лишь в начале 1990-х годов, часть материалов по-прежнему секретна. Таким образом, в ряде российских и зарубежных книг по теме судебного пре-

---

¹ Данная работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-11-53003).

² Новгородская область образована 5 июля 1944 года из состава Ленинградской (также были выделены Великолуцкая и Псковская области). Поэтому военные преступления во всех этих областях часто имели один и тот же почерк.

³ Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и Новгородском районе Ленинградской области. ОГИЗ. 1944.

⁴ Единственная публикация по теме Новгородского открытого процесса в постсоветской новгородской прессе представляет собой пересказ репортажей газеты «Новгородская правда» декабря 1947 года. См.: *Иванов А.* Дорога на каторгу. О возвращении к судебному процессу сорокалетней давности // *Время.* 1992. № 11 (189). С. 5.

⁵ Автор выражает благодарность сотрудникам архива Управления ФСБ по Новгородской области за помощь в работе с документами.

следования нацистских преступников крайне мало информации о Новгородском суде. Новгород упоминался только при перечислении мест проведенных процессов, внимание исследователей привлекали более крупные города⁶.

По сути, только два исследователя занимались темой открытого процесса над нацистскими военными преступниками в Новгороде. В. В. Юшкевич детально проанализировал в своей статье роль Новгородского управления МГБ по организации Новгородского процесса⁷. М. Н. Петров дал подробную юридическую справку о подготовке и ходе процесса в книге «Тайная война на Новгородской земле»⁸. В этой же книге был впервые опубликован ряд источников следствия (допросы, приговор и т. д.) из архива Управления ФСБ по Новгородской области и Центрального архива ФСБ. В 2013 году М. Н. Петров поместил фотографии из зала суда в своей научно-популярной книге «Рассекреченные истории»⁹.

Следует отметить, что реакция общества на то или иное событие представляет особый интерес для научного исследования. Фронт Великой Отечественной войны проходил через Новгородскую землю. Он разделил людей на фронтовиков и карателей, на партизан и коллаборационистов, на угнанных в неволю и тружеников тыла. Большинство выживших новгородцев потеряли родных и имущество, а меньшинство было вполне довольны условиями жизни при «новом порядке» Германии. Немецкая пропаганда искусно сеяла рознь: с 1941 по 1944 год подрывала доверие новгородцев к советской власти и ее институтам. Послевоенная разруха и голод 1946–1947 года (тоже, во многом, последствия оккупации) давали дополнительные поводы для антисоветских разговоров. Поэтому открытый суд над нацистскими военными преступниками нес не только высший юридический смысл наказания виновных, но и был судом над оккупацией в целом. Как следствие, Новгородский процесс должен был консолидировать власть и общество на фоне поверженного единого врага.

---

⁶ К примеру: *Потыльчак А. В.* Открытый судебный процесс над немецкими военнопленными в Николаеве (1946 г.) // История пенитенциарной системы России в XX веке: Сборник материалов международного научного семинара. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 164–173; *Zeidler M.* Der Minsker Kriegsverbrecherprozess vom Januar 1946. Kritische Anmerkungen zu einem sowjetischen Schauprozess gegen deutsche Kriegsgefangene Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 52 (Heft 2). 2004. S. 211–244.

⁷ *Юшкевич В. В.* Участие органов госбезопасности в подготовке и проведении открытых судебных процессов над нацистскими военными преступниками // Исторические чтения на Лубянке. 2001 год. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945–1953 гг. М., Великий Новгород, 2002. С. 76–83.

⁸ *Петров М. Н.* Тайная война на Новгородской земле. Великий Новгород, 2005. С. 140–218.

⁹ *Петров М. Н.* Рассекреченные истории. Великий Новгород, 2013.

Если страна потеряла миллионы своих граждан, то это значит, что среди оккупантов были тысячи виновных, скрывающихся среди военнопленных. Поэтому в конце Великой Отечественной войны и после нее органы государственной безопасности и Главное управление по делам военнопленных и интернированных¹⁰ МВД СССР делали тяжелую работу: выявляли лиц, запятнавших себя зверствами и злодеяниями по отношению к советским гражданам на оккупированной территории. Как правило, судили их в закрытом режиме, прямо в лагерях содержания.

На этом фоне резко выделялись две волны открытых процессов над нацистскими преступниками, которые прошли в конце 1945 – начале 1946 и в конце 1947 годов. На первых семи таких процессах, которые состоялись в Брянске, Смоленске, Ленинграде, Великих Луках, Минске, Риге, Николаеве, к смертной казни через повешение было приговорено 84 военных преступника¹¹.

Следующие девять процессов в Сталино, Севастополе, Бобруйске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Новгороде, Кишиневе и Гомеле, состоявшиеся по постановлению Совета министров от 10 сентября 1947 года, приговорили 138 человек¹² к срокам в лагерях.

Таким образом, процесс в Новгороде стал одним из последних открытых судов над немецкими военными преступниками.

В Новгородском кремле, в зале театра, 7 декабря 1947 года началось открытое судебное заседание военного трибунала. На скамье подсудимых находились девятнадцать бывших военнослужащих германской армии: два генерала, восемь старших и четверо младших офицеров, четыре фельдфебеля и эсэовец. Вмененные им преступления на оккупированной территории попадали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников».

Поиск этих девятнадцати человек занял несколько лет. Уже с ноября 1942 года по мере освобождения от гитлеровских захватчиков временно оккупированных советских территорий начал действовать специальный орган – Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и по учету ущерба, причиненного ими предприятиям, общественным организациям, совхозам, колхозам, учреждениям

---

¹⁰ Далее – ГУПВИ.

¹¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 919.

¹² Докладная записка МВД, Министерства юстиции, Прокуратуры СССР о результатах открытых судебных процессов над военными преступниками // Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 756–757.

и отдельным гражданам¹³. В освобожденных Новгородских районах Ленинградской области действовали районные комиссии как подразделения ЧГК, им в помощь учреждались комиссии по содействию.

Уже через девять дней после освобождения Новгорода, 29 января 1944 года, в городе и районе начала работу комиссия под руководством председателя Ленинградской областной ЧГК Т. Ф. Штыкова. Это было достаточно сложно, т. к. населения в Новгороде почти не осталось. Об условиях работы комиссии специальный военный корреспондент ТАСС по Ленинградскому и Волховскому фронтам Павел Лукницкий писал в своем дневнике 20 февраля: «Илья Груздев¹⁴ на днях вернулся из Новгорода, где был как член Ленинградской чрезвычайной комиссии по расследованию совершенных немцами злодеяний. В Новгороде в момент освобождения не осталось ни одного местного жителя! Когда прислали кинопередвижку для освобожденного населения, смотреть фильм пришлось одному секретарю горкома партии, представлявшему собою всю советскую власть и все местное гражданское население. Из лесов выходят какие-то русские люди, но черт их разберет: кто прятался от немцев, а кто подослан немцами? Среди пленных не удалось найти ни одного, кто дал бы путные показания о том, что гитлеровцы творили в Новгороде. А местного населения нет, свидетелей нет. Немцы замели свои следы весьма основательно»¹⁵.

Несмотря на тяжелые условия работы, Комиссия установила факты разрушения города, деревень и сел, уничтожения всемирно известных памятников, убийств новгородцев и военнопленных красноармейцев¹⁶. Акты областных и районных подразделений ЧГК стали первой опорой в расследовании военных преступлений, а впоследствии были использованы как вещественные доказательства на суде¹⁷.

Важным направлением деятельности органов госбезопасности стало выполнение директивы НКВД СССР от 11 мая 1945 года «Об организации в лагерях агентурно-следственной работы по выявлению лиц, совершивших злодеяния на территории СССР». Благодаря ему стали известны первые подозреваемые в совершении военных преступлений на Новгородской земле. Так, в лагере города Шуи Ивановской области был допрошен генерал-майор Йозеф Рупрехт, бывший комендант военно-полевой комендатуры тыла 16-й армии, принимавший личное участие в уничтожении сел и угоне населения за линию «Пантера». Развер-

---

¹³ Далее – ЧГК.

¹⁴ И. А. Груздев – член правления Союза писателей СССР.

¹⁵ Лукницкий П. Н. Ленинград действует... М.: Советский писатель, 1971. URL: Режим доступа: http://militera.lib.ru/db/luknitsky_pn/index.html (дата обращения 10 мая 2014).

¹⁶ Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и Новгородском районе Ленинградской области. ОГИЗ. 1944.

¹⁷ Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее – АУФСБНО). Ф. 7. Оп. 7. Д. 3. Л. 96.

нутые показания дал его сослуживец, полковник Вернер Финдайзен, бывший командир карательного полка при комендатуре тыла армии¹⁸.

В Новгородской области все военнопленные содержались в Боровичском лагере № 270 НКВД СССР; общая их численность в марте 1946 года составила 15 533 человека¹⁹. Работники оперчасти постепенно выявляли среди них лиц, которые могли бы дать информацию о злодеяниях на оккупированной территории.

С весны 1947 года по согласованию между министром внутренних дел С. Кругловым и министром иностранных дел В. Молотовым началась подготовка ко второй волне показательных процессов против немецких военнослужащих. По состоянию на май 1947 года было предусмотрено судить в Новгороде трех военнопленных: «...двух генералов и одного лейтенанта. Эти преступники частично признали свою вину. Они разоблачены материалами Чрезвычайной Государственной Комиссии, помимо этого генерал Рупшрехт разоблачен по показаниям 4 военнопленных свидетелей. В этом деле необходимо проведение расследования на месте преступления»²⁰.

Детальная подготовка открытых процессов была возложена на специальную межведомственную комиссию из представителей Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел, Министерства государственной безопасности и Министерства юстиции при участии Прокуратуры СССР²¹.

После принятия правительственного решения о подготовке новгородского судебного процесса в областные управления МВД и МГБ поступила директива заместителя министра внутренних дел В. С. Рясного и заместителя министра государственной безопасности С. И. Огольцова от 4 октября 1947 года. В ней предлагалось использовать все возможности управлений «по комплектованию следственной группы квалифицированными следователями, переводчиками, машинистками и стенографистками и выделению необходимого количества камер в тюрьмах и арестантских помещений для содержания обвиняемых»²².

При этом директива требовала закончить следствие по делу к 28 ноября, чтобы начать процесс 10 декабря 1947 года. Для ускорения предлагалось вести одновременный допрос всех свидетелей и обвиня-

---

¹⁸ Центральный архив ФСБ РФ. Д.Н-19094. Т. 1. Л. 27–31. Из показаний военнопленного Финдайзена В. П. о службе командиром карательного отряда. Цит. по: *Петров М. Н.* Тайная война на Новгородской земле.... С. 163.

¹⁹ *Петров М. Н.* Тайная война на Новгородской земле.... С. 141.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9401-2. Д. 172, Л. 236–239. Письмо министра внутренних дел СССР Круглова В. Молотову № 2783 от 18 мая 1947 г. Цит. по: *Hilger A.* Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941–1949 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 54. 2006. S. 488–490.

²¹ *Zeidler M.* Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in der UdSSR in den Jahren 1943–1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme. Dresden, 1996. S. 31.

²² АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 63. Директива МГБ и МВД в областные управления об организации процесса над немецкими военными преступниками.

емых, выделив на каждого обвиняемого по следователю, а также командировать в районы спецгруппы оперативных работников для выявления и допроса свидетелей и потерпевших из числа советских граждан. Отдельно оговаривалась необходимость «проверить всех местных адвокатов, которые будут выделены для защиты обвиняемых на процессе, не допуская на процесс нежелательных лиц»²³.

Особое место в директиве уделялось пропагандистскому аспекту – через партийно-советское руководство области предлагалось обеспечивать освещение судебного процесса в местной прессе, а также выявлять реакцию местного населения на процесс и информировать об этом МВД и МГБ СССР²⁴.

Специальную оперативно-следственную группу²⁵ УМВД–УМГБ возглавил полковник Майоров. В ее состав вошли младший лейтенант Маничев, младший лейтенант милиции Налесный, лейтенанты Кириллов, Скорняков и Суриков, старшие лейтенанты Глушенко, Семенов и Суздальцев, капитаны Воронов, Исаенко, Королев, Лавров, Ларионов, Модзалевский, Николаев и Лупышев, майор Кротков. К группе были прикомандированы сотрудники следственного отдела УМГБ по Новгородской области: лейтенант Б. М. Топорнин и майор И. И. Абрамов. Со стороны Министерства внутренних дел следствие курировал начальник отдела контрразведки генерал-майор А. Н. Асмолов²⁶.

Времени для выполнения всех требований отводилось чрезвычайно мало, хотя перед исполнителями стояла масса организационных, технических, оперативно-розыскных и следственных проблем. Например, в докладной записке от 15 октября на имя заместителя министра госбезопасности начальник ОСГ Майоров указывал, что «полный разворот следствия тормозит отсутствие переводчиков и следователей. Из УМВД Калининской области вместо трех следователей и трех переводчиков прибыл только один переводчик. Из УМВД Московской области вместо трех следователей и двух переводчиков прибыли один переводчик и один следователь, второй прибывший оперативный работник... следственной работы не знает»²⁷.

Были и откровенные ошибки – на месте выяснилось, что доставленный в качестве обвиняемого из УМВД по Тамбовской области Карл Фишер не являлся тем лицом, которого изобличал другой обвиняемый Йозеф Руппрехт. Начался новый поиск, и истинный Фишер был обнаружен на Новгородской земле – в Боровичском лагере № 270. Майор Генрих Фишер на допросе признался, что вместе с Руппрехтом принимал участие в уничтожении населенных пунктов под видом борьбы с партизанами. Именно он и был привлечен в качестве обвиняемого²⁸.

---

²³ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 64.

²⁴ Там же.

²⁵ Далее – ОСГ.

²⁶ Петров М. Н. Тайная война на Новгородской земле... С. 147.

²⁷ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 162.

²⁸ Юшкевич В. В. Указ. соч. С. 77–78.

Члены ОСГ выезжали для сбора доказательств в районы Новгородской, Псковской, Великолукской, Калининской областей и в Латвийскую ССР²⁹. В лагерях военнопленных в Боровичах, Казани, Сегеже, Великих Луках сотрудники оперчасти допрашивали подозреваемых в совершении преступлений на Новгородской земле.

Первоначально следователи просили Центр исключить из списков обвиняемых бывшего зондерфюрера, переводчика комендатуры города Остров Александра Карла Лантревича, в отношении которого, по их мнению, не представлялось возможности собрать достаточных для обвинения данных (это было особенно важно для открытой формы процесса). Однако, не получив подтверждения из центра, члены ОСГ вынуждены были приступить к немедленному сбору доказательств. В конечном итоге в обвинительном заключении Лантревичу вменялось в вину участие в казнях советских граждан (в том числе Героя Советского Союза Клавдии Назаровой) и уgone в Германию мирного населения³⁰.

Благодаря активной следственной и оперативно-розыскной работе (изоляция подозреваемых друг от друга, внутрикамерная агентура) число обвиняемых росло. На 15 октября 1947 года их было тринадцать, однако среди доставленных свидетелей из числа немецких военнопленных были выявлены военные преступники. Таким образом, вскоре общий список обвиняемых достиг девятнадцати человек. А именно:

- 1) Герцог Курт, 1889 г. р., генерал артиллерии, бывший командир 38-го армейского корпуса;
- 2) Мюнх Фридрих, 1908 г. р., капитан, бывший начальник группы полевой жандармерии 38-го армейского корпуса;
- 3) Рупрехт Йозеф, 1897 г. р., генерал-майор, бывший комендант полевой комендатуры № 607;
- 4) Хаунспергер Ганс, 1895 г. р., майор, бывший начальник отдела 1-й полевой комендатуры № 607;
- 5) Доблер Петер, 1904 г. р., лейтенант, бывший командир группы полевой жандармерии комендатуры № 607;
- 6) Фишер Генрих, 1910 г. р., майор жандармерии, бывший командир 561-го жандармского батальона;
- 7) Винтер Карл, 1892 г. р., майор, бывший комендант безопасности города Дно;
- 8) Вильродт Пауль, 1892 г. р., майор, бывший командир охранного батальона № 989;
- 9) Геринг Йозеф, 1896 г. р., подполковник, бывший командир охранного батальона;
- 10) Франкенштайн Альберт, 1901 г. р., лейтенант, бывший начальник полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321;
- 11) Хаббе Фриц, 1908 г. р., штабсфельдфебель, бывший заместитель начальника полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321;

---

²⁹ Петров М. Н. Тайная война на Новгородской земле... С. 142.

³⁰ Юшкевич В. В. Указ. соч. С. 78.

12) Кайрат Иоганн, 1901 г. р., штабсфельдфебель, бывший начальник отряда полевой жандармерии ортскомендатуры № 1/321;

13) Преслер Ганс³¹, 1912 г. р., фельдфебель германской армии, бывший жандарм ортскомендатуры № 1/321;

14) Зассе Карл, 1896 г. р., полковник, бывший комендант полевой комендатуры № 822;

15) Мейер Бенно, 1917 г. р., лейтенант, бывший начальник отделения 1-й полевой комендатуры № 822;

16) Лантревиг Александр, 1893 г. р., зондерфюрер, бывший переводчик комендатуры города Остров;

17) Мольт Вилли, 1910 г. р., оберфельдфебель, бывший командир 402-го жандармского взвода;

18) Бройер Макс, 1894 г. р., майор германской армии, бывший комендант ортскомендатуры города Идрица;

19) Финдайзен Вернер, 1890 г. р., полковник, бывший начальник карательного отряда при комендатуре тыла 16 армии³².

В октябре 1947 года все обвиняемые были помещены в тюрьму № 1 Новгородского управления МВД. Они содержались изолированно друг от друга, с каждым работал отдельный следователь и переводчик. Протоколы допросов и очных ставок составлялись на русском и немецком языках. Передопросы вели представители прокуратуры³³.

Учитывая открытый характер процесса, особое внимание уделялось здоровью военнопленных и проверке их жалоб. Для этого следователи лично встретились 14 октября с обвиняемыми и военнопленными, констатировалось, что физическое состояние удовлетворительное, жалоб на условия содержания не поступило³⁴.

Вместе с тем Вернер Финдайзен заявил на допросе, что он невиновен и отказался от ранее данных показаний. Свой отказ он мотивировал тем, что к нему в МВД Татарской АССР якобы применялись недозволенные методы следствия, в результате чего он дал на себя вымышленные показания. Аналогичное заявление он сделал и агенту-осведомителю в камере: «Если меня будут судить, то на суде откажусь от своих показаний, а когда вновь будут допрашивать, я подпишу любые показания»³⁵. Поэтому следователи уделили особое внимание перепроверке всех показаний Финдайзена и их документации, на место совершения инкриминируемых ему военных преступлений специально выехал следователь³⁶. Отметим, что на суде Финдайзен от своих пока-

---

³¹ Преслер Ганс – единственный австриец из подсудимых, уроженец деревни Шаттау округа Цисле (Австрия).

³² АУФСБНО Ф. 7. Д. 35. Л. 1–3.

³³ Петров М. Н. Тайная война на Новгородской земле... С. 142.

³⁴ Юшкевич В. В. Указ. соч. С. 78.

³⁵ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 4 Д. 86. Л. 178. Материалы обвинения от начальника оперативно-следственной группы МВД СССР Майорова на имя секретаря Новгородского обкома ВКП(б) Бумагина, 23 октября 1947 г.

³⁶ Там же.

заний не отказывался, других жалоб от него в документах следствия не обнаружено.

Также заявление о якобы имевших место избиениях на допросах в лагерном отделении № 22 города Рига сделал обвиняемый Фриц Хаббе. Для выяснения обстоятельств в Ригу был направлен запрос с просьбой взять у указанного следователя объяснение по существу заявления Хаббе и срочно выслать в Новгород³⁷.

Эти два случая дают основание заявлять, что жалобы подсудимых рассматривались, о них информировалось начальство, велась переписка между органами власти и спецслужб. Кроме того, отметим, что их заявления касались поведения следователей не из Новгорода, а из Татарской АССР и Латвийской ССР.

Тема жестоких методов ведения допроса получила продолжение после репатриации в ФРГ (1955–1955 гг.). Среди вернувшихся домой осужденных на Новгородском процессе были такие высказывания: «пытки инструментами» (Вернер Финдайзен), «допрос перед горячей печью, запугивания, карцер, голод, побои» (Йоганн Кайрат) или «во время всего допроса в лагере обращались наихудшим образом» (Вилли Моль)³⁸. К сожалению, немецкий исследователь Манфред Цайдлер приводит только такие краткие цитаты и из них сложно понять, на каких именно следователей жалуются осужденные. Высказывание Вернера Финдайзена может касаться работников МВД Татарской АССР (см. выше). В реплике Вилли Моля фигурирует «лагерь» («Lager»), это явно не относится к тюрьме № 1 Новгородского управления МВД. Место действия из цитаты Йоганна Кайрата (карцер, горячая печь) также сложно атрибутировать. Предположим, что во всех трех цитатах говорится не о Новгороде, а о лагерях для военнопленных, где с них снимали первичные показания. Тогда странно, что из перечисленных подозреваемых только Финдайзен подал в Новгороде жалобу (на сотрудников МВД Татарской АССР).

Манфред Цайдлер также приводит жалобы осужденных «пожилых майоров» на своего начальника – генерала-майора Йозефа Руппрехта. Майор Пауль Вильродт заявил, что его приговор основывался лишь на ложном утверждении его военного руководителя, генерал-майора Йозефа Руппрехта. Майор Карл Винтер жаловался, что «проведение Новгородского процесса в том объеме, в каком он состоялся, оказалось возможным только потому, что генерал-майор Руппрехт, наш полевой комендант, не выдержал нагрузки предварительного следствия и признал всё то, что требовали от него русские»³⁹.

Таким образом, часть осужденных позднее оправдывала себя тем, что их якобы жестко допрашивали, или тем, что их якобы ложно обвинил непосредственный командир. Напомним, что вина осужденных на процессе доказывалась не только их перекрестными показаниями и

---

³⁷ Юшкевич В. В. Указ. соч. С. 78–79.

³⁸ Цит. по: Zeidler M. Der Minsker Kriegsverbrecherprozess vom Januar 1946. ... S. 225.

³⁹ Там же.

признаниями, но также многочисленными свидетельствами уцелевших жертв, трофейными документами, актами ЧГК и т. д.

Важно отметить, что жалобы на жесткие условия допросов не подтверждаются документами следствия.

В ходе следствия шесть обвиняемых – Карл Зассе, Карл Винтер, Петер Доблер, Фридрих Мюнх, Вилли Моль и Фриц Хаббе – полностью признали свою вину. Все они принимали непосредственное участие в истязаниях и физическом уничтожении мирного населения. В частности, Ф. Хаббе показал: «В конце 1942 года жандарм Кайрат в Ашевском районе арестовал одну семью, состоявшую из 4-х человек: отец, мать, их сын и дочь, семья эта обвинялась в связях с партизанами. Всех 4-х арестованных я избил при допросе ремнем и впоследствии, по приказу майора Еншова, расстрелял их за пос. Бежаницы»⁴⁰. Обвиняемый В. Моль признавался: «Операция по сожжению населенных пунктов и расстрелу мирного населения проводилась нами в течение четырех дней, при этом за этот период мы полностью сожгли до 12 населенных пунктов и расстреляли примерно 150 человек»⁴¹. Подобные показания дали и другие обвиняемые.

Двенадцать обвиняемых признали свою вину частично: Йозеф Руппрехт, Вернер Финдайзен, Ганс Хаунспергер, Йозеф Геринг, Генрих Фишер, Макс Бройер, Альберт Франкенштайн, Иоганн Кайрат, Ганс Преслер, Пауль Вильродт, Александр Лантревич и Бенно Мейер. Под тяжестью улик (в особенности, свидетельств самих обвиняемых друг против друга) они признали свое непосредственное участие в карательных операциях, поджогах и расстрелах, уgone населения в Прибалтику и Германию, однако всякий раз ссылались, что выполняли приказ вышестоящего командования.

Представитель этого вышестоящего командования – бывший командир 38-го армейского корпуса генерал артиллерии Курт Герцог – не признал себя виновным ни по одному пункту. Для доказательства вины Герцога как руководителя 291-й пехотной дивизии, участвовавшей в намеренном разрушении Петродворца, а также блокаде, бомбардировках и артобстрелах Ленинграда, были сделаны соответствующие запросы в Управление контрразведки МГБ Ленинградского военного округа и УМГБ Ленинградской области. Также против него свидетельствовали его подчиненные, советские граждане, акты ЧГК.

В итоге список предъявленных Курту Герцогу обвинений только по Новгородской области оказался более чем внушителен: демонтаж памятника «Тысячелетие России» и подготовка его к отправке в качестве подарка немецкому обербургомистру города Инстербург, снятие и переплавка на сувениры золотого покрытия куполов Софийского собора и Георгиевского собора Юрьева монастыря, организация расстрелов 3700 советских граждан около деревень Жестяная Горка и Черная Батецкого района и др.

---

⁴⁰ Юшкевич В. В. Указ. соч. С. 79.

⁴¹ Там же.

Незадолго до процесса, 15–16 ноября, члены Чрезвычайной Новгородской специальной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Новгородской области и гор. Новгороде произвели вскрытие захоронений юго-западнее деревень Жестяная Горка и Боровина на окраине деревни Черная Батецкого района. В девяти ямах, каждая длиной пять-шесть метров, шириной три-четыре метра и глубиной три метра, находилось до 3700 убитых. Эксперты обнаружили в затылочной части черепов смертельные огнестрельные пулевые ранения, кости носили следы повреждений тупыми, рубящими и колющими предметами. Людей уничтожали выстрелами в затылок, закалывали штыками, рубили тесаками, добивали прикладами винтовок⁴². Проведенная эксгумация подтвердила показания свидетелей о массовом характере уничтожения советских людей близ этих деревень. Также были вскрыты массовые захоронения близ лагеря военнопленных на станции Люболяды⁴³. Эти факты злодеяний, акты и фотографии эксгумации стали важными пунктами обвинения.

Всего же установленные в процессе следствия факты различных злодеяний составили пятьдесят четыре объемных тома⁴⁴ и явились доказательственной базой обвинения. Информационная записка по итогам следствия, направленная первому секретарю Новгородского обкома ВКП(б) Г. Х. Бумагину, составила почти 50 машинописных страниц текста⁴⁵. Отметим, что первый секретарь регулярно информировался о ходе следствия и суда, но никак на них не влиял – в фондах партийного архива не найдено каких-либо документов об участии в процессе руководства Новгородской области.

По завершении следствия начальник ОСГ полковник Майоров, военный прокурор Афанасьев и председатель военного трибунала Исаенков вместе с законченным следственным делом, обвинительным заключением, обвинительной речью прокурора должны были прибыть в Москву 3 декабря для доклада в правительственной комиссии по организации проведения судебных процессов над немецко-фашистскими преступниками⁴⁶. Пока не выявлено документов о том, как прошел этот доклад. Судя по всему, комиссия выслушала доклад, изучила все бумаги следствия и обвинения, сочла их убедительными и дала разрешение на начало суда.

В Новгородском кремле, в зале городского театра, 7 декабря 1947 года началось открытое судебное заседание военного трибунала. Председательствовал в нем генерал-майор юстиции И. Ф. Исаенков, государственное обвинение поддерживал военный прокурор З. З. Стрекаловский, интересы обвиняемых защищали восемь адвокатов. Было вызвано 36 свидете-

---

⁴² Петров М. Н. Тайная война на Новгородской земле... С. 142.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Все тома хранятся в Центральном архиве ФСБ РФ, дело № Н-19094.

⁴⁵ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 4. Д. 86. Л. 125–173.

⁴⁶ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 64. Директива МГБ и МВД в областные управления об организации процесса над немецкими военными преступниками.

лей: 31 житель Новгородского, Батецкого, Белебелковского и других районов, а также пятеро немецких военнопленных. На процессе присутствовали делегации Ленинградской, Псковской и Великолукской областей, журналисты и фотокорреспонденты газеты «Новгородская правда», жители послевоенного Новгорода. Также на процессе негласно присутствовали агенты УМГБ, они были снабжены пропусками в зал заседания для выявления недочетов в организации процесса и отслеживания реакции населения⁴⁷. В фойе театра была размещена фотовыставка о нацистских злодеяниях на оккупированной территории (такие же выставки были на других открытых процессах – к примеру, в Витебске)⁴⁸.

Освещение процесса

Ход судебных заседаний подробно излагался «Новгородской правдой» – единственным областным печатным СМИ (даже областное радиовещание строилось на ее материалах). С 7 по 21 декабря 1947 года вышло 14 объемных текстов: акт о вскрытии захоронений, обвинительное заключение, стенограммы суда, репортажи, эссе, отчеты. Они сопровождались фотографиями и даже карикатурами на обвиняемых. По сути, газета была единственным СМИ, которое детально освещало процесс, т. к. в центральной «Правде» был опубликован всего один короткий материал из трех предложений.

Таким образом, все население Новгородской области могло узнавать о процессе только из «Новгородской правды» (кроме того, ее материалы пересказывали агитаторы на местах) или же из устных рассказов присутствующих в зале знакомых.

Журналисты, освещающие Новгородский открытый процесс, не вспоминали о нем в дальнейшем творчестве и не публиковали своих дневников⁴⁹. Поэтому об их отношении к военным преступникам и преступлениям можно судить только на основании публикаций газеты «Новгородская правда» и высказываниям в здании суда, зафиксированных агентами УМГБ.

Из-за нехватки источников остается под вопросом влияние власти на содержание материалов о процессе, каких-либо документов по этой теме выявить пока не удалось. Неизвестна также степень редакторского вмешательства в тексты. Поэтому возьмем за гипотезу, что журналисты готовили публикации самостоятельно, руководствуясь своими патрио-

---

⁴⁷ Юшкевич В. В. Указ. соч. С. 80.

⁴⁸ Подлипский А. Как судили нацистов в Витебске // Витебский курьер. URL: http://kurier.me/ru/page/century_ago/1791 (дата обращения 11.05.2014).

⁴⁹ Для сравнения – детальный репортаж о Ленинградском открытом суде над нацистскими преступниками 27 декабря 1945 г. – 6 января 1946 г. есть в дневнике П. Н. Лукницкого, специального корреспондента «Правды» и члена Ленинградской Государственной Чрезвычайной Комиссии по расследованию немецких злодеяний. См.: Лукницкий П. Н. Ленинград действует... М.: Советский писатель, 1971.

тическими чувствами и идеологическими установками редакции (уточним, что «Новгородская правда» была официальным органом обкома ВКП(б)). Кроме того, авторы могли вдохновляться материалами газеты «Правда» о других открытых судах – в особенности, стилистикой освещения Нюрнбергского процесса (о нем писали лучшие журналисты страны). Напомним также, что все советские СМИ цензурировались.

Еще до открытия процесса «Новгородская правда» опубликовала 3 декабря несколько больших материалов об обнаружении массовых захоронений у деревни Жестяная Горка. Разные стили и жанры публикаций дополняли и усиливали эффект друг друга в сумме⁵⁰. Первый материал «Новые факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской области» представлял собой цитаты из отчета Новгородской специальной комиссии по установлению и обнаружению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Новгородской области (подчеркнем, что состав комиссии был перечислен поименно – это были известные всем новгородцы). То есть аудитория получала документально заверенные факты и могла их анализировать сама или же прочитав их эмоциональную трактовку во втором материале.

Второй материал полосы, «Жертвы Жестяной Горки», представлял собой большое эмоциональное эссе о злодеянии: «Кто они, безвинные жертвы фашистского террора? 16-ти летние юноши и девушки, взрослые мужчины и женщины, старики, беременные женщины и матери грудных детей! Самые лучшие представители Батецкого, Лужского, Оредежского, Чудовского, Новгородского и других районов. Мужественно пошли они на мученическую смерть, но не склонили свои головы перед врагом, не стали предателями своего народа, своей Родины. Рабочие и служащие, колхозники и колхозницы, гражданские и военные – все, кого успели схватить гестаповцы, кто считался опасным для “нового порядка”, нашли себе мученическую, но героическую смерть»⁵¹. Риторический вопрос, восклицательные предложения, особая лексика («мужественно», «мученическую») – все это усиливало эмоциональную составляющую текста.

Контрастно подчеркивались как безвинность жертв, мученический характер их смерти, так и жестокость преступников: исполнителей казни и их начальства: «Кто совершал эти преступления? Люди, потерявшие всякий человеческий облик, убийцы, выдрессированные в профессиональных школах гестапо, взбесившиеся от животного страха перед грядущим возмездием. И всеми действиями непосредственных исполнителей преступлений руководили оккупационные власти, генералы гитлеровской армии, получавшие директивы из ставки немецкого командования – от самого фюрера»⁵².

Автор статьи активно дегуманизировал оккупантов, сравнивая их с животными: «Особую, зоологическую, ненависть питали немецкие

---

⁵⁰ Новгородская правда. 3 декабря 1947 г., № 239 (752).

⁵¹ Жертвы Жестяной Горки // Новгородская правда. 3 декабря 1947 г., № 239 (752).

⁵² Там же.

фашисты к народам славянских стран, а более всего к русским людям»; «Осуществляя свою человеконенавистническую расовую теорию, главари установили в завоеванных странах самый зверский оккупационный режим»⁵³.

Публикации о злодеяниях у деревни Жестяная Горка были призваны морально подготовить новгородскую аудиторию к открытому процессу над военными преступниками, усилить общественный Интерес.

Публикация документов процесса (например, обвинительного заключения следствия) в «Новгородской правде» сопровождалась эмоциональными репортажами корреспондентов, рисовавших крайне непривлекательный образ подсудимых, в частности и оккупантов в целом. Вот как они назывались в рамках только одного материала о процессе: «озверевшие фашистские выкормыши», «убийцы и насильники», «фашистские варвары», «изверги», «немецко-фашистские мерзавцы», «матеры гитлеровские разбойники»⁵⁴.

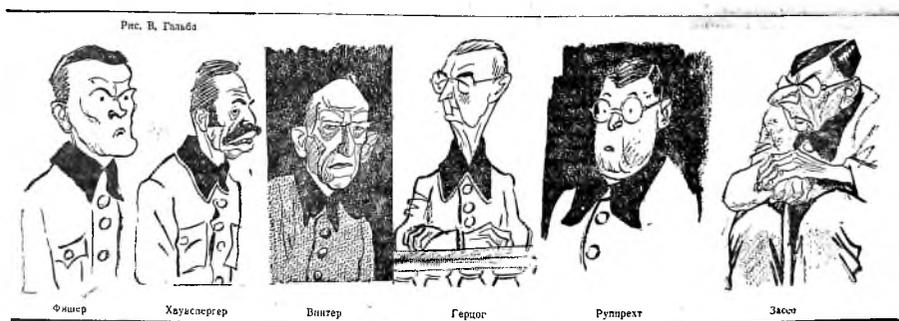

Рис. 1. Карикатура В. Гальба на обвиняемых, «Новгородская правда» от 20 декабря 1947 г.

Для формирования негативного образа авторы использовали даже описание внешности подсудимых: «Исподлобья, маленькими заплывшими глазами смотрит куда-то в сторону Рупрехт Фридрих»⁵⁵, когда председательствующий, читая обвинительное заключение, раскрывает его зверства. Этот баварец с массивными челюстями гориллы полностью воплотил в своем физическом и нравственном облике известное желание Гитлера – видеть в каждом немце дикого зверя. И он таким был на самом деле»⁵⁶.

Внешность осужденных стала материалом также для карикатуриста «Новгородской правды» В. Гальба: два материала о вынесении

⁵³ Жертвы Жестяной Горки // Новгородская правда. 3 декабря 1947 г., № 239 (752).

⁵⁴ Новгородская правда. 9 декабря 1947 г., № 242 (755).

⁵⁵ Такое имя в тексте статьи. Возможно, опечатка редакции.

⁵⁶ Там же.

приговора сопровождалась шестью шаржами. Героями их стали Фишер, Хаунспергер, Винтер, Герцог, Рупп्रेхт, Зассе⁵⁷. Уточним, что большинство новгородцев видело этих военных преступников только на мутных общих фотографиях в «Новгородской правде», поэтому аудитория с особенным интересом читала словесные описания репортеров и изучала данные шаржи.

Рис. 2. Генерал Курт Герцог на суде

На примере генерала Курта Герцога (среди пунктов его обвинения был и демонтаж памятника «Тысячелетие России»), в статье «Грабитель в генеральском мундире», автор Б. Тютяев анализировал значение понятия «фашистские варвары»: «В свое время Гитлер упорно вбивал в головы немцев, что совесть, честность, культура – пустые понятия для человека “избранной арийской расы”. Он твердил: “Мы – варвары и мы хотим быть варварами. Это почетное звание”. И гитлеровцы были такими варварами. Для них ничего не стоило убить десятки, сотни, тысячи ни в чем не повинных людей, сжечь десятки тысяч сел и городов, предать разрушению выдающиеся памятники мировой культуры. Фа-

⁵⁷ Новгородская правда. 20 декабря 1947 г., № 251 (764).

шисты не только предавали огню и мечу все дорогое для культурного человека, но они бесцеремонно и нагло грабили, присваивали ценнейшие произведения искусства. Грабили все, начиная от Гитлера и его преступной клики и кончая рядовым солдатом немецко-фашистской армии»⁵⁸.

В репортажах с заседаний суда важное место занимали рассказы свидетелей, чудом избежавших расстрелов. Вот один из них: «На сцену, где заседает Военный трибунал, поднимается 12-летний Петров Анатолий – житель д. Б. Тресно. – Нашу деревню, – говорит свидетель, – немцы сожгли. Тогда мы перебрались в д. Горушка и там нас немцы расстреливали. Я лежал среди убитых и таким образом спасся.

Председательствующий: А что сделали немцы с твоими родными?

Петров: Маму и братишку Павлушу они застрелили»⁵⁹.

Подобные свидетельства, с привязкой к конкретным фамилиям, датам и местам совершенных преступлений, звучали на суде в отношении каждого обвиняемого и, частично, публиковались газетой.

Всего на процессе выступило более 30 свидетелей из Великолукской, Псковской и Новгородской областей. Судя по материалам «Новгородской правды», их показания очень трогали публику и сопровождалась возгласами волнения из зала.

Негативно реагировал зал на некорректные высказывания обвиняемых. К примеру: «Прокурор: Сколько же советских людей было расстреляно при Вашем участии? Кайрат: Примерно 30 штук. Гул возмущения прокатывается по залу, когда переводится этот ответ Кайрата. Оказывается, этот гитлеровец настолько разложился, стал профессиональным убийцей, что уничтоженных советских граждан считает на шутики. И это не оговорка, ибо на следующий вопрос прокурора – о количестве арестованных, Кайрат также равнодушно отвечает, что он лично арестовал 50–60 штук советских граждан»⁶⁰.

Освещение важных событий в сталинской прессе обычно сопровождалось публикацией откликов граждан (все они соответствовали единому идеологическому вектору), это было формальной «обратной связью», а на практике – публичным выражением лояльности. Однако ни в центральной «Правде», ни в «Новгородской правде» реакция граждан на Новгородский процесс опубликована не была. Мы можем это объяснить отсутствием прямых указаний властей и плотным информационным потоком декабря 1947 года: выборы в Верховный совет СССР и денежная реформа. Эти два события заполнили все страницы «Новгородской правды», в них активно приводились позитивные отклики граждан о выборах и реформе.

---

⁵⁸ Тютяев Б. Грабитель в генеральском мундире // Новгородская правда. 14 декабря 1947 г. № 246 (759).

⁵⁹ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской и Псковской областей // Новгородская правда. 16 декабря 1947 г., № 248 (761).

⁶⁰ Судебный процесс ... // Новгородская правда. 12 декабря 1947 г., № 244 (757)

Об итогах процесса было опубликовано только одно мнение (оно же стало последним материалом по теме суда в «Новгородской правде») – представительницы ЧГК в Новгороде Л. Куприяновой⁶¹. После эмоционального перечисления военных преступлений на Новгородской земле, зафиксированных актами ЧГК, она писала о всеобщей поддержке приговора: «Единодушным одобрением был встречен приговор присутствовавшими представителями трудящихся Новгорода. К этому чувству присоединяется каждый ленинградец, это чувство разделяет весь советский народ»⁶². В финале ее текст переходил на новые идеологические темы, которыми был полон остальной номер газеты: «Сплоченный вокруг партии, правительства и великого Сталина наш народ вышел из войны еще более сильным и крепким, нежели был раньше. Охваченные небывалым энтузиазмом советские люди, по почину ленинградцев, соревнуются за выполнение послевоенной сталинской пятилетки в четыре года. Доказательством возрастающей силы нашей страны служит проводимая денежная реформа и отмена карточной системы. В день выборов в местные советы депутатов трудящихся весь советский народ продемонстрирует свою преданность партии, правительству и великому вождю товарищу Сталину, напомним всем поджигателям войны, что никогда и никому не удастся нарушить наше мирное строительство!»⁶³. Так в тексте выстраивалась идеологическая связь: справедливое возмездие объединяет народ и открывает ему путь к полноценной мирной жизни.

Обо всех открытых процессах кратко писали всесоюзные СМИ. Как правило, это были сухие корреспонденции с места, несколько публикаций о каждом суде. Однако Новгороду и на этом фоне было уделено совсем мало текста. Так, в «Правде» была опубликована всего одна короткая новостная заметка «Суд над гитлеровскими палачами в Новгороде»⁶⁴. Подобные сухие и краткие тексты особенно проигрывали по сравнению с эмоциональными и подробными материалами региональной прессы. Аудитория явно могла их сравнивать, ведь чтение «Правды» и ее региональной версии было обязательным для всех членов партии.

В итоге этот недостаток работы всесоюзной прессы заметила и власть. Министр МВД С. Круглов писал министру иностранных дел В. Молотову: «Из решения Совета министров СССР № 3209-1046сс от 10 сентября 1947 о проведении процессов против участников злодеяний на территории Советского Союза вышло распоряжение о подробном освещении хода судебных процессов против немецко-фашистских участников карательных органов в прессе. Проведённым в конце 1947 года

---

⁶¹ Куприянова Л. Справедливый приговор народа // Новгородская правда. 21 декабря 1947 г., № 252 (765).

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Суд над гитлеровскими палачами в Новгороде // Правда. 19 декабря 1947 г.

процессам было, однако, уделено крайне мало внимания в центральной прессе.

Дела судебных процессов против немецко-фашистских преступников включают в себя ряд кадровых генералов бывшей немецкой армии самого высокого ранга и могут предложить опытному советскому журналисту богатый материал для политически острого и убеждённого описания карательной политики Советского Союза по отношению к выявленным военным преступникам»⁶⁵.

На Новгородском открытом процессе были осуждены два кадровых генерала, и, тем не менее, никто из «опытных советских журналистов» про суд над ними ничего не написал.

Реакция общества

Сложность изучения реакции общества на открытые процессы в том, что своеобразной «прикладной социологией» при Сталине занимались только органы госбезопасности. Об откликах населения на какое-либо событие сообщали агенты-осведомители, сборная справка («спецсообщение») отправлялась первому секретарю обкома ВКП(б) и руководству МГБ. Как правило, спецсообщения состояли из двух блоков: сначала были многочисленные лояльные мнения, затем меньшинство нелояльных высказываний. Схема такого агентурного изучения общественного мнения была единой по всему Советскому Союзу и активно применялась во время открытых процессов⁶⁶. Новгород не стал исключением.

Выполняя директиву⁶⁷, УМГБ подробно информировало центр о настроениях населения в ходе заседаний и, в частности, сделало 4 спецсообщения, где собрало 55 «наиболее характерных высказываний» о Новгородском процессе⁶⁸. Еще раз подчеркнем, что новгородцы высказывались для своих знакомых, их слова фиксировались агентами тайно.

Как отмечали сотрудники МГБ, практически все граждане были уверены в виновности подсудимых и ждали соответствующего приговора: «Процесс над немецко-фашистскими военными преступниками пользуется неослабным вниманием среди всех слоев населения

---

⁶⁵ Письмо министра внутренних дел СССР С. Круглова, № 1835 от 9 апреля 1948 В. Молотову. Цит. по: *Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. ... S. 502.*

⁶⁶ См. анализ спецсообщений НКВД и НКГБ по открытым процессам в УССР (Київ, Николаев) в работе: *Потыльчак А. «Фактор военнопленных» в межэтнических отношениях послевоенной Украины: неизвестные страницы истории публичных судебных процессов 1946 г. // Історія – 2009 р. Історія (збірка наукових праць): Збірник праць. Київ, 2009. URL: http://chitalka.net.ua/textbooks/1/p_4978.html (дата обращения 11.05.2014).*

⁶⁷ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 63. Директива МГБ и МВД в областные управления об организации процесса над немецкими военными преступниками.

⁶⁸ Там же. Оп. 2. Д. 12.

гор. Новгорода и области, и оживленно комментируется. Большинство лиц, отмечая злодеяния немецко-фашистских оккупантов, высказывают пожелания о строгом наказании обвиняемых»⁶⁹.

В частности, высказывались сожаления по поводу отмены в СССР смертной казни, а требования справедливого возмездия имели разброс от линчевания и повешения до 25-ти лет каторжных работ, «чтобы они почувствовали все те издевательства и испытания, какие мы перенесли у них в плену»⁷⁰.

Судя по спецсообщениям, по-разному реагировали на процесс даже работники идеологии. Сотрудник газеты «Новгородская правда» Б. Тютяев высказался кратко: «Жаль, что отменили смертную казнь для таких палачей»⁷¹. Об этом же он писал и в газете: «Их вина велика и наказание должно быть сурово!»⁷². А его коллега – фотокорреспондент «Новгородской правды» П. Махов – признавал зверства подсудимых, но искал им оправдания в действиях Гитлера и партизан: «Я не нахожу здесь большой вины со стороны немцев. Была война и попробуй не выполнить приказ начальства, так и самого расстреляют. Над этими генералами, которых сейчас судят, были еще старшие начальники. Тут надо судить Гитлера – он всему виновник. Притом немцы так зверствовали потому, что на них партизаны нападали – значит, борьба. А вот я был в Шимском районе за Шелонью, так там ни одного плохого слова про немцев не слышал. Наоборот, даже хвалят, что немцы хорошо относились. Население не трогали, даже своих лошадей и людей давали обрабатывать землю, а налоги брали небольшие»⁷³.

Многие подсудимые были знакомы присутствующим в зале суда, поэтому они давали им личную оценку. Например, представитель Солецкого района А. В. Аношкина в ходе процесса заметила: «Рупрехта теперь и узнать очень трудно. Раньше он был неприступен. Если он, бывало, едет на машине, то на дороге никто не попадайся. Сейчас на суде старается скрыть свои преступления и уклоняется от прямых ответов»⁷⁴.

Вместе с тем особый интерес представляют выявленные мнения отрицательного характера. Часть граждан сводила свои мысли к тому, что подсудимые лишь честно выполняли приказы, которые им давались командованием германской армии. Например, уборщица театра Е. И. Корнилова заявила: «Все же суд несправедлив. За что их судят? Ведь они выполняли приказ Гитлера. Наши тоже слушали (назвала имя одного из руководителей партии и правительства⁷⁵), сжигали города и

---

⁶⁹ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 35. Спецсообщение № 4 об откликах населения в связи с судебным процессом в гор. Новгороде над немецко-фашистскими военными преступниками.

⁷⁰ Там же. Л. 32. Спецсообщение об откликах населения ... № 3.

⁷¹ Там же. Л. 26. Спецсообщение об откликах населения ...

⁷² Тютяев Б. Грабитель в генеральском мундире ...

⁷³ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 36. Спецсообщение № 4 об откликах населения...

⁷⁴ Там же. Л. 29.

⁷⁵ Примечание сотрудника УМГБ.

расстреливали немцев»⁷⁶. Также были высказывания о том, что немецкие оккупанты были добры и справедливы, а в расстрелах виноваты русские каратели: «Нужно судить наших предателей, а не этих немцев. Я из опыта знаю, что немцы очень справедливые. Без доноса и следствия никого не расстреляют»⁷⁷, «Проживая на оккупированной территории, я от немцев не видел никакого вреда, а наоборот, они относились к мирному населению лучше, чем наши русские, а теперь их судят. Не немцев надо судить, а наших русских, которые и сейчас остались безнаказанными»⁷⁸. Отметим, что на суде тема преступлений коллаборационистов напрямую не поднималась, открытые процессы над предателями состоялись в Новгороде лишь через десятилетия. Так что это умолчание действительно могло вызвать вопросы у некоторых жителей оккупированных территорий.

Другие граждане высказывали сомнение в дееспособности советской судебной системы – они считали, что преступников накажут малыми сроками, репатрируют, создадут крайне мягкие условия заключения и т. д. Такие мнения были даже среди представителей трибунала. Так, судебный заседатель Военного трибунала Е. Иванова в перерыве суда заявила: «Немцев судят, а они сидят и посмеиваются над нашими заседателями, т. к. знают, что им за это ничего не будет. Существующие у нас законы писаны не для них, а наши только создают видимость, что карают. Все равно их потом придется освободить из-под стражи и отпустить к себе на родину».

Еще одна группа скептиков сомневалась в представленных доказательствах, особенно материалах, которые касались уничтожения памятников архитектуры. Так, сотрудник Шимского райфо Васильев, осматривая выставку злодеяний немецких военных преступников, сказал: «В этих фотоснимках много преувеличили и приписали немцам. Здесь много разрушено и нашими войсками»⁷⁹.

Отдельные присутствовавшие выражали недоверие даже свидетелям, которые «на суде говорят не по своей воле, а их заставляют насильно говорить и врать на немцев»⁸⁰.

Предположим, что подобное недоверие к суду могло возникнуть по трем причинам:

1) сталинская судебная система имела негативную репутацию у некоторой части населения (ее репрессивный характер неоднократно подчеркивался в коллаборационистской прессе);

2) мощная немецкая пропаганда на оккупированной территории прославляла справедливость нацистов и скрывала их военные преступления под видом борьбы с партизанами;

---

⁷⁶ АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 30. Спецсообщение № 2 об откликах населения ...

⁷⁷ Там же. Л. 27. Спецсообщение об откликах населения ...

⁷⁸ Там же. Л. 34. Спецсообщение № 3 об откликах населения ...

⁷⁹ Там же. Л. 27. Спецсообщение об откликах населения ...

⁸⁰ Там же. Л. 36. Спецсообщение № 4 об откликах населения ...

3) опыт оккупации был индивидуальным, для кого-то он был позитивным. Поэтому некоторые люди априори не верили в вину подсудимых, которых советская власть и пресса рисовали как символ злодеяний оккупантов.

Однако, судя по донесением МГБ, критиковали процесс немногие граждане. В целом общество поддержало обвинение и желало подсудимым строгого наказания. Организаторам серии открытых процессов удалось консолидировать общественное мнение в единой ненависти к военным преступникам и к оккупантам вообще.

Итоги процесса

Важным отличием Новгородского процесса от первой серии открытых судов была отмена смертной казни⁸¹. Поэтому 18 декабря 1947 года был зачитан приговор, по которому все девятнадцать подсудимых признавались виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьёй Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и, руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР, приговаривались к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет каждый.

Для отбытия наказания военные преступники направлялись в специально созданное для них лагерное отделение со строгим режимом в составе Воркутлага МВД. Так предписывало распоряжение МВД № в731 от 21 ноября 1947 г.: «Военнопленных и интернированных, осужденных советскими судами (трибуналами) по делам о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР к разным срокам наказания в исправительно-трудовых лагерях, независимо от их физического состояния направлять для отбытия наказания в Воркутлаг МВД – ст. Воркута Северо-Печорской ж. д.»⁸².

В лагере из-за экстремальных жизненных и трудовых условий умерли многие осужденные, в особенности генералы⁸³. Так, генерал артиллерии Курт Герцог скончался 14 апреля 1948 г., генерал-майор Йозеф Губерт Руппхерт скончался 19 декабря 1952 г.⁸⁴ (по другим данным – в 1953 году⁸⁵). Все выжившие были репатриированы в ФРГ и ГДР после смерти Сталина.

---

⁸¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года «Об отмене смертной казни».

⁸² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 837. Л. 147–149. Распоряжение МВД № 731 о направлении всех осужденных военнопленных и интернированных по делам о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Воркутлаг МВД СССР от 21 ноября 1947 г. Цит. по: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М.: Логос, 2000.

⁸³ *Zeidler M.* Stalinjustiz contra NS-Verbrechen.... S. 34.

⁸⁴ *Hilger A.* Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen.... S. 490.

⁸⁵ *Сухарев Ю.* Осужденные военнопленные (отделение № 6 лагеря 476) // «Уральский следопыт» URL : http://uralstalker.com/literary_agency_page/all_works/1/200/10/ (дата обращения 15.05.2014).

Суд в Новгороде стал одним из последних процессов с открытой формой заседаний. Еще 24 ноября 1947 г. вышло распоряжение МВД СССР, Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР № 739/18/15/311⁸⁶, по которому предписывалось рассматривать дела обвиняемых в совершении военных преступлений на закрытых заседаниях военных трибуналов войск МВД по месту содержания подсудимых (то есть практически без вызова свидетелей), без участия сторон и приговаривать виновных к заключению сроком на 25 лет исправительно-трудовых лагерей.

Причины свертывания открытых процессов до конца неясны, каких-либо аргументов в рассекреченных документах пока найти не удалось. Однако можно выдвинуть несколько версий. Предположительно, проведенных открытых процессов вполне хватило для пропагандистского эффекта, запрос населения на справедливое возмездие был удовлетворен, пропаганда переключилась на новые задачи.

Кроме того, проведение открытых судебных процессов требовало высокой квалификации следователей. Подобных специалистов не хватало на местах в условиях послевоенного кадрового голода.

Стоит учитывать и материальное обеспечение открытых процессов (смета Новгородского процесса составила 55 тысяч рублей⁸⁷). Для послевоенной разрушенной экономики это были существенные суммы.

Закрытые же суды давали возможность быстро и массово рассматривать дела, приговаривать подсудимых к заранее определенному сроку заключения (как правило, 25 годам в Воркутлаге) и, наконец, соответствовали традициям сталинской юриспруденции, которая к концу 1940-х годов вернулась к практике репрессий.

Исследователи по-разному оценивают юридическую сторону открытых процессов над нацистскими преступниками 1946–1947 гг. Часть историков (в особенности – зарубежных) считает их спектаклями для решения политических задач, часть видит в них справедливое возмездие за военные преступления.

Действительно, пропаганда пронизывала все советские институты – в том числе юстицию, поэтому открытые процессы имели и политическое значение, особенно для компрометации нацистского «нового порядка» в глазах жителей ранее оккупированных территорий. Однако их главной целью был поиск военных преступников и справедливое возмездие. Это подтверждается источниками – документы следствия по одному Новгородскому процессу составили 54 больших тома, в то время как никаких пропагандистских инструкций о нем не выявлено, почти не отразился процесс и в центральной прессе.

Немецкий исследователь Андреас Хильгер считает, что открытые процессы по факту мало отличались от закрытых и что оба они зависели от решений властей, а не от права: «Обвиняемые, места и время про-

---

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 837. Л. 164–165. Цит. по: Военнопленные в СССР. 1939–1956. ...

⁸⁷ Юшкевич В.В. Указ. соч. С. 83.

ведения этих трудоёмких показательных процессов были сознательно выбраны из массы пригодных для судебного разбирательства случаев военных преступлений с целью достижения наибольшего воздействия. Таким образом, сидящие на скамье подсудимых нередко менялись вплоть до самого открытия процесса. Доказуемая, индивидуальная вина в инкриминируемых деяниях, точнее в освещаемых на судебных заседаниях массовых преступлениях, для этого выбора играла второстепенную роль (если она вообще имела какое-либо значение). Тем самым, если посмотреть на механизм политического управления и процедуру проведения, открытые процессы никоим образом не отличались от параллельно проводимых “закрытых” процессов, “упрощённый” ход которых представлял собой ещё большую насмешку над верховенством права»⁸⁸. Мы признаем недостатки сталинской юстиции – в той или иной степени проявились они и в Новгородском процессе (см. цитату М. Н. Петрова ниже), однако данный вывод А. Хильгера несколько противоречит выводам других ученых.

Так, другой немецкий историк Манфред Цайдлер, напротив, отмечает юридическую полноценность открытых судов 1946–1947 гг.: «Все процессы были публичными и – что характерно для публичных и показательных процессов – отличались высокой степенью правовой формальности, к которой относилось помимо допроса свыше 300 свидетелей также и право обвиняемых на юридическую защиту. Советская пресса подробно освещала события, происходившие в залах судебных заседаний, отчасти дословно цитируя высказывания свидетелей и обвиняемых»⁸⁹.

Позитивным образом, несмотря на недостатки следствия, характеризуются все открытые процессы 1947 года в статье М. Е. Морина: «Заседания военных трибуналов отличала высокая степень объективности рассмотренных дел, участвовали представители защиты и гособвинения, все обвиняемые понесли заслуженное суровое наказание»⁹⁰.

Противоречивые оценки относятся также к Новгородскому открытому процессу. Так, М. Н. Петров считает, что следствие вскрыло не все военные преступления подсудимых и что процесс мог бы иметь лучшую организацию: «Уровень следствия при подготовке Новгородского процесса и ход суда были откровенно низкими и носили заведомо обвинительный характер. Следователи зачастую делали примитивные заявления обвиняемым: “следствие располагает данными”, но не приводили эти данные, оказывали откровенное давление: “Требуем дать правдивые показания”, “Вы заявляете неправду” и т. п., стремились за-

---

⁸⁸ Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. ... S. 472.

⁸⁹ Zeidler M. Stalinjustiz contra NS-Verbrechen. ... S. 29.

⁹⁰ Морин А. Е. Уголовное преследование нацистских преступников. Работа советских правоохранительных органов по установлению и расследованию военных преступлений, преступлений против мира и против человечности // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны / Сост. В. Селеменев, Ю. Зверев, К.-Д. Мюллер, А. Харитонов. Дрезден; Минск, 2004. С. 511.

получить личные признания обвиняемых в совершенном преступлении, пресловутую “царицу доказательств” тех лет. Признал, например, Мюнх участие в расстреле двадцати граждан, и этого оказалось достаточно, несмотря на то, что в деревне Черная его командой было уничтожено несколько сот человек. Не проводилось опознание обвиняемых свидетелями, не велся поиск исполнителей казни. Не смогло следствие предъявить серьезных доказательств личного участия генерала Герцога в уничтожении Новгорода и мирного населения. Трофейные дела 38-го армейского корпуса хранились в Особом архиве СССР, но следствие и не подумало запросить эти материалы из Москвы, а между тем некоторые приказы, собственноручно подписанные генералом Герцогом, содержали бесспорные доказательства его военных преступлений. В ходе процесса недоработки следствия не были устранены. Не вяжется с его открытым характером и заведомо определенная и одинаковая мера наказания для всех осужденных»⁹¹. Отметим, что неполное расследование военных преступлений отмечали даже сами свидетели в частных беседах. Так, представитель Батецкого района Алексеев заявил: «В процессе предварительного следствия и сейчас на суде все же не полностью вскрыты злодеяния немцев, чинимых у нас в Батецком районе. Обвиняемые ими немцы не полностью рассказывают о совершенных ими преступлениях, чем хотят смягчить себе наказание. Все равно получают не меньше 25 лет каторжных работ»⁹². На наш взгляд, если бы следствие не торопили из Москвы, то стало бы известно о многих скрытых военных преступлениях нацистов на Северо-Западе СССР, информацию о которых по крупицам собирают историки сегодня.

Заметим, что ни один исследователь, даже отмечая недостатки следствия (что было характерно для сталинской репрессивной системы), и не сомневается в доказанной вине военных преступников. Как известно, лицам, обоснованно осужденным за злодеяния против народов бывшего Советского союза и за другие преступления против интересов СССР и его граждан, в реабилитации отказывается на основании ст. 4 закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года. Приговор открытого суда в Новгороде можно считать обоснованным даже по современным меркам, поэтому все осужденные на них нацистские преступники не были реабилитированы. К тому же в Новгородском процессе фигурировали те лица, чья вина подтверждалась фактами, свидетелями из числа советских граждан и военнопленных. Под грузом этих доказательств почти все подозреваемые признавались в содеянном. Были уверены в их вине центральная и местная власть, а также большинство новгородцев. Военные преступники стали в глазах населения символами всего зла оккупации на родной земле. Поэтому публичный суд воспринимался гражданами как справедливое возмездие за все бедствия войны.

---

⁹¹ Петров М. Н. Тайная война на Новгородской земле.... С. 147.

⁹² АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12. Л. 29. Спецсообщение № 2 об откликах населения...